

Сергей Филиппов

Летят журавли

Ахматова в Коломне

Коломна. Лето. По Арбату
 (Чуть в стороне Москва-река)
 Идёт по улице Ахматова
 И ищет домик Пильняка.

Идёт ни медленно, ни быстро,
 Идёт, не ведая, что тут
 Проложен будет для туристов
 Её, ахматовский, маршрут.

Идёт не в самый, на поверку
 Как оказалось, страшный год.
 Крестовоздвиженская церковь
 Вдали у Пятницких ворот.

Вокруг июльская Коломна
 Вся излучает благодать
 И безмятежность духа, словно
 Не созывать ей вскоре рать,

Не собирать сограждан снова
 На битву грозную, когда,
 Как в годы Дмитрия Донского,
 Нахлынет страшная орда.

И, вынув острый меч из ножен,
 Сомкнутся все в один кулак.
 ..Все, кто ещё не уничтожен
 И не расстрелян, как Пильняк.

Летят журавли

Опять звучит команда: «Тише.
 Мотор!» И камера трещит.
 Герой по лестнице всё выше
 Летит и на излёте слышит:
 «Ты ранен, Боря?» — «Я убит».

И точно так же, как и в первый,
 И в сотый, и в двухсотый раз,
 Вонзаясь в облачные перья,
 Над ним закружатся деревья,
 И тело вновь осядет в грязь.

Есть масса фильмов, но иные
 Волнуют с каждым днём сильней.
 И вечно юные живые
 Герои шлют нам позывные
 Из стаи белых журавлей.

● ● ●
 Москва всё больше. Скопища людей
 При наших-то невиданных пространствах
 Безумию сродни. Но всё сильней
 С каким-то непонятым постоянством
 Мы рвёмся в мегаполисы. Всё здесь
 Почти до удивленья бестолково:
 Богатство, бедность, нищета и спесь,
 Одно неотделимо от другого.
 Ты — как осиный улей, не понять,
 Москва, твои ходы и лабиринты.
 Людей ты заставляешь проявлять
 Все низменные чувства и инстинкты.
 На сотни вёрст в длину и ширину
 Раскинулась страна, но люди, точно
 В затмении, стремятся лишь в одну,
 Одну и ту же маленькую точку —
 В Москву. И этот пагубный процесс
 Затронул очень многих, и не диво,
 Что каждый, кто стремится, ждёт чудес
 И в предвкушенье призрачной наживы.

● ● ●
 Века, не считаясь с затратами,
 Не ведая, будет ли прок,
 Ума набираясь у Запада,
 Стремилась меж тем на Восток.

Расправилась с Марфой-посадницей,
 Противилась воле Петра
 И с плохо прикрытою задницей
 Преграды брала на ура!

Не слыша ни стонов, ни доводов,
 Свою ненасытную длань
 Простёрла на Псков и на Новгород,
 На Тверь, на Владимир, Рязань.

И вот все они в запустении,
 Потуже стянули живот.
 И вновь на твоём иждивении
 Чужой ненасытный народ.

Шесть с лишним столетий, Рассея,
 Тверяне, Рязань, туляки
 Живут под Москвою, не смея
 И слова сказать вопреки.

Доброта под гитару

Обучаю играть на гитаре

И учусь у людей доброте.

Из песни Ю. Визбора

Кто забыл, господа, тем напомяну,
Как нас с вами в былые года
Сослуживцы, друзья и знакомые
Добрым словом встречали всегда.
В Воркуте, в Душанбе, в Нарьян-Маре,
На какой ни возьми широте,
Обучали играть на гитаре
И учили людей доброте.

Но приходит период распада,
И меняют окрас времена,
И уже недоверчивым взглядом
Вас встречает другая страна.
Все посулы, соблазны, все чары
На поверку—одна суета,
И поёт, хоть и не под гитару,
О себе доброта, да не та.

Мы не впишемся в эти стандарты,
Хоть разрежьте всех нас на куски.
Слишком резво рванули со старта,
Слишком поздно включили мозги.
Улыбаются «звёздные» пары,
А внутри у них всех—пустота.
Замолчала надолго гитара,
И кричит о себе «доброта».

И, статная, скажет: «Здравствуй, князь...»

А. Блок

Снова под вечер с больной головой
Сидишь, к окну прислонясь.
Глядишь на двор, что зарос травой,
И знаешь: не выйдет князь.

А выйдут такие, что хоть жалей,
Невзрачные из себя,
Не царской породы, не княжих кровей
И, видимо, не «графья».

Нахлынут внезапно, как хан Мамай,
Поставят на стол вина.
Сиди меж ними и выбирай:
Кому сегодня жена?

А утром соседи начнут рядить,
Когда мимо них, как сквозь строй,
С больной головой от тебя выходить
Станет очередной.

И кто-нибудь камень в твоё метнёт
Окошко наверняка.
И это, конечно же, будет тот,
Кто сам из них без греха.

Зачем почил так безвременно,
Дав погубить себя, страна?
К Тебе взываю, Русь Есенина!
К Тебе, Россия Шукшина!

Ни мастерства, ни дарования,
Ни благодатной той среды.
От деревень—одни названия.
От городов—одни гербы.

Кто доведён до иступления,
Кто прозябает век в глуши,
А пять процентов населения
Свои считают барыши.

Забыты сказки и предания.
Пожитки бросив в рюкзаки,
Чтоб раздобыть на пропитание,
В столицу прутся мужики,

Потомки славного Сусанина.
Хоть выбор явно не богат:
Кто охраняет дачу барина,
Кто бизнес-центр или склад.

Всё позабыто, всё утеряно,
И растворилась, не видна
Уже нигде Ты, Русь Есенина,
И Ты, Россия Шукшина.

Но пять процентов населения
Не замечают, как живёт,
Почти на грани вырождения,
Столь безразличный им народ.

Народных тьма. Но если честно
И откровенно, то сейчас
Художнику неинтересны
Движения народных масс.

В ином недюжинный свой гений
Проявит мэтр. Дела нет
Ему до разных устремлений
Народных, чаяний и бед.

И времена, когда он бегал
В народ, прошли давно. Поверь,
Лишь только собственное эго
Волнует мастера теперь.

Художников народных много,
Но всё искусство—для элит,
И тема «Бурлаков на Волге»
Уж никого не вдохновит.

● ● ●
Я не противник авангарда,
Клевещут злые языки.
Я против, чтоб поэтам, бардам
Наклеивали ярлыки.

У каждого своё призванье,
Но, полагаю, не солгу,
Сказав, что самолюбование
Не приведёт нас всех к добру.

Такой подход и путь заказан
Художнику. Он весь в борьбе
С самим собою и обязан
Всю жизнь не нравиться себе.

И только лучший среди лучших,
И то один и на один
С собой, воскликнет: «Ай да Пушкин,—
Однажды,— ай да сукин сын!»

● ● ●
Не возмущайтесь, россияне,
Из вас любой быть должен рад,
Что он в своей тьмутаракани,
А не в Кабуле, где бомбят.

И рад в квадрате, счастлив в кубе,
Что по иронии судьбы
Живёт сегодня не на Кубе,
Где по талонам лишь бобы,

Что вновь за летом будет осень,
Что не смутил, а вслед за тем
На произвол судьбы не бросил
Его коварный дядя Сэм.

Вернись на землю поскорее
И будь рад до смерти, что ты
Не где-то в Северной Корее
Чуть выше роковой черты.

А есть, друзья, Венесуэла,
Есть Сирия и Пакистан,
И в список этот можно смело
Внести ещё немало стран.

Но что ходить в другие страны,
Когда под боком возле нас
Нескоро все залижет раны
Кровоточащие Донбасс?

И, взвесив факты, отчего-то
Уже не хочется совсем
Каких-то резких поворотов
И маломальских перемен.

● ● ●
Есть лирика суровая, военная,
Где свой глубокий, внутренний трагизм
И даже в нашу бытность повседневную
Отсутствует ура-патриотизм.

А есть другая лирика—пейзажная:
Толстой, Тургенев, Шишкин, Левитан.
И плачет вся природа вернисажная
От стольких нанесённых нами ран.

А есть, ребята, городская лирика.
Покуда не разрушен по частям
Наш город, мы слагаем панегирики,
Грустя по полюбившимся местам.

И, наконец, есть лирика гражданская,
Почти что не читаемая вслух
Нигде в аудитории мещанской,
Пока не клюнул жареный петух.

И пусть в литературе всё условно,
Пусть в ней, как в жизни, всё диктует спрос,
Связь этих лирик с лирикой духовной—
Большой, животрепещущий вопрос.

● ● ●
Памяти Ю. Н. Пузырёва

Не надейся, артист, на погоду,
На удачу, волну и прибой,
А надейся на память народа
И «на парус надейся тугой».

Не теряйся в сегодняшнем мраке,
А пытайся и в нём напевать,
Как Ильюшин и как Коккинаки
Самолёты учили летать.

И пускай ты как странник в пустыне,
Где попса торжествует и рэп,
Где не виден серебряный иней
В проводах новостроек и лэп.

Вновь тревожную молодость вспомнив,
Вдруг почувствуешь запах костра,
И Тайшет твою душу наполнит,
И вернётся к тебе Ангара.

По-некрасовски

«Ну, пошёл же, ради бога!
Небо, ельник и песок» —
Это всех теперь дорога,
Все в Москву спешат, дружок!

«Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...»
Не стесняйся — что за дело!
Это многих нынче путь.

Не лежат в котомке книжки,
Не учиться ты идёшь.
Будешь матери, братишке
Отсылать последний грош.

Бросив край родной и поле,
Не во сне, а наяву,
По своей (не Божьей) воле
Снарядился ты в Москву.

«Не без добрых душ на свете»,
Кто-то сможет подсобить
Подхалтурить на объекте,
Просто пиццу разносить,

Раздавать в толпе открытки,
Ну а если повезёт,
То менять в столице плитку
И бордюры круглый год.

«Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...»
И вздыхает одиноко
Остальная наша Русь.

«Не бездарна та природа»,
Но погиб, как видно, край,
«Что выводит из народа
Столько славных». Так и знай,

Нет уж больше «благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой».